1997 N28

САМИЗДАТ ВЕКА:

МИХАИЛ СОКОВНИН

От публикатора

Позволю себе процитировать поэта Всеволода Некрасова, который пишет о Михаиле Соковнине ярко и любовно.

"Нашего языка они не понимают, а своего у них как будто и нету,"- прочел Миша своим голосом, с расстановкой, и подытожил: "кругом Вариус..."

И так оно и было. Да так, на мой слух, и осталось. Понятно, цитированный Кафка "Вариус" не читал. Но пока Кафку не издали, не читал и Соковнин Кафку, а "Вариус" уже был. В тех же отношениях Соковнин, скажем, и с Андреем Сергеевым, Сашей Соколовым, Улитиным или Вианом. Он умер в 75-м и их не прочел, но "Вариус", по-моему, концентрирует черты много чего, написанного и до и после. И в интересной точке: перехода прозы в стих. Если стихом считать речь, которая сама идет на язык, стихийно запоминаясь. Что говорится своим голосом. Шевеля языком (Кн. Вариус, сс. 9, 98)".

В 1995 году в Москве фирма "Граффити" выпустила книгу Михаила Соковнина "Рассыпанный набор", подготовленную Вс.Некрасовым и И.Ахметьевым.

СУПОВЫЙ НАБОР
(болдинский предметник)

Посвящается И.В.Я.

"На Пушкинским на дворе"
(русская народная песня)

1.

Болдино
и около.

Перевозка
через Ужовку,
Починки,
Шатки,
яма,
колдобина,
обочина,
яма,
дорога на Болдино
и на Лукоянов.

Жабы. Луна.
Выпаривание блина.
Две свиньи,
газеты и соловьи.

Крепостная контора,
крепостная работа,
урны,
забор,
уборная,
есть такое слово
"нужник",
рыба в заборе,
Римма Петровна,
скамейки,
штакетник,
Пушкин.
Красные жуки,
"Пушкин и мужики",
бабы,
фляги,
парное мясо
из Арзамаса,
писем из Казани,
клумба с красными жуками,
Борода,
доброта,
ЦГАЛИ.

Полдень
в Болдине.

Старый мерин,
Пушкинский современник,
Садик,
Садик,
седеющийхвост,
везет от усадьбы,
везет - не везет.
Эх, бедолага,
трогай!
Дорога,
телега,
доски,
подскоки,
вожжи,
завхоз
завозит гвозди
на маслозавод.

Болдино
вдолблено
этим вот местом:
пожарное,
заразное,
Большое или Базарное,
Болдино
или Еболдино,
"что под большим мордовским черным лесом".

Болдино,
подлинно,
как-то обойдено,
как-то запущена
вотчина Пушкина -
нет огородников,
плотников,
дворников,
мало сторонников,
нужен Андронников.
Барский дом,
барский пруд
дело в том,
был не тут,
но сколько дум,
какой здесь вид,
вот этот дуб,
под сенью ив,
на дерновой скамье,
на скамье,
рекамье,
Натали,
на долги,
бра -
светец,
брат -
отец,
Лев Сергеич -
Сергей Львович,
Григорий
Григорьич,
и просто
Григорьич,
сторож
Петрович,
грач,
Сергач,
чай шярга,
ясно лошадь,
раз рога.

Самовар
догорал,
Дрыгалов,
Расстригин,
г-н
Соковнин.
А кто побежал в магазин?
Мне что-ли дунуть?
Можно подумать...

Еж
или дождь
копошится правее
в траве,
к иголке иголка,
колючая горка,
или Егорка...

Станови
стаканы!
Выпьем за вотчину!
Выпьем за Пушкина!
Вот она водочка,
вот и закусочка
(и водочка
и закусочка).
Плохо тебе?
Спасибо тебе...

2.
Крепостная контора,
шум мотора,
пилорама,
рама,
рано...

Утро,
утварь,
девы-мевы:
Ира-Ира,
Валентина
и Тамара,
Коля,
я
и Борода,

звук помойного ведра.

Не пора ли нам пора?
Лодырь.
Ворвань.
Надо вовремя.
Ты - клеврет!
А ты - плеврит!
Хорошо говорит.

Утренний мостик,
белый, горбатый,
идем на работу,
работка,
рыбешка,
солнышко,
тинка,
тихая тинка,
тихая тинка,
тинка,
бутылка.
Голубые полосы,
золотые волосы.

Время перерыва.
Жар и скука.
Из куста сирени
выпорхнула трясогузка,
села на перила.
Ира-Ира,
Ирэн,
Ирина.

Дорога в "Лучинник",
когда-то березовый,
озеро,
магазин,
машина,
починка,
туман из низин,
вся кавалерия,
кроме Валерия.

Тихий свист.
Свет
в овсе,
и на всем,
над овсом,
надо всем
шелестит
тихий свет.
Широко.
Хорошо.
Роща как островок,
странный остов ворот, -
городок
мертвецов,
деревянных крестов,
мир цветов,
ягод,
яблок,
могил,
голубая накидка,
могилка,
калитка...

Тем и почтили
темный "Лучинник" -
около,
возле,
по лесу
ходим,
но не находим.
Где он, колодец?
Кажется, здесь.
Вот он, колодец!
В нем - четвертинка.
Брякает жесть.

Сколько в колоде?
Все тридцать шесть.

Тропа
у пруда,
тихо и сыро,
и сиротливо,
Ира и ива,
ива и Ира.

Барский дом.
Подойдем?
Подойдем.
Под окном
ходит он, серый кот,
что-то чуется коту,
знает кот-то,
значит, кто-то
в доме кто-то -
Тук-тук-тук!..

Полночь.
Полночь.
Полночь.
Полночь.
Полночь.
Полночь.
Полночь.
Полночь.
Полночь.
Полночь.
Ясно лошадь:
полночь -
НОЧЬ.

3.
Хорош подарок!
Попов порядок.

"Таежная этика"
"Партийностьхудожника"
"Путь в будущее"
"А поезд ушел..."
На Курской ж-д,
на Казанской ж-д,
на Октябрьской ж-д,
ж-д на ж-д,
далее везде,
"Трень-брень"
"Про нас"

"Добро пожаловать в Арзамас!"

До утра
в дурака.

Кофе.
Заря.
Ради чего для?
Неизвестно какого дня...
Едем в ухаб из ухаба,
смерть в хорошей компании.
Город.
Эрьзя.
"Руками трогать нельзя"
"Испанка",
улыбка,
квебрахо.

А это потом:
возле села
аэродром,
люди,
солнце как полоса,
серенький флюгер,
все позади,
сядь-посиди
у стеклянных небес,
"Медный всадник",
медленный Садик,
Беседка сказок,
скамейка бесед,
бесполезность,
бессловесность,
идиот,
остаток,
воздух, земля.
Можно? - Нельзя.
Через секунду сядет
на стебелек,
на стебелек,
вещи,
подлетающий самолет,
все еще самолет,
самолет
улетевший.

Нижний Новгород,
Минин,
Строганов,
много людей и вагонов,
трамвайное
Канавино,
звоны,
диваны,
ковры,
пыльное солнце в окне,
солнце на коньяке.

Мне как-то неловко.
Будьте добры.
Музей на "Бродвее",
Рокотов,
Рерих,
между деревьев
синяя Волга,
песок
и откос,
как все это все
иррационально,
наверно,
нормально,
ступени Кремля,
как все сноподобно,
корма
парохода,
платформа,
подножка
вагона,
стопкран...

Потом поплыли
потолки,
по стеклам стук локтей,
Иконы-Птицы тонкий лик
простер глаза, как тень,
обрыв платформы!..

Телефонный,
междугородний,